

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.11>

UDC 94(470.61+620):613.115.6

LBC 63.3(2)614-210.6

Submitted: 21.12.2023

Accepted: 05.03.2024

WORK OF STUDENTS OF THE PARTY UNIVERSITY IN COLLECTIVE FARMS OF THE AZOV – BLACK SEA REGION OF RUSSIA (BASED ON THE MATERIALS OF INDUSTRIAL PRACTICE IN 1934)

Nikita V. Tikhomirov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the study of the summer industrial practice of students of the All-Union Communist Agricultural University named after Ya.M. Sverdlov in 1934. The relevance of the work is determined by the high demand for the topic of collectivization in the scientific community and the growing interest of historians in the issues of Soviet everyday life in the 1930s. *Methods and materials.* The analyzed materials are stored in the State Archives of the Russian Federation and have not yet received serious study in historical research. Thus, the novelty of the work is associated, first of all, with the introduction into scientific circulation of a little-studied complex of historical sources, the disclosure of their information potential for the study of collective farm construction in the USSR, the everyday life of the collective farm peasantry and student activists. The materials are presented by the reporting documentation of students and teachers of the university. *Analysis.* The study reveals the features of students' participation in the organization of artel production in the village, the main difficulties in the work of collective farms and ways to overcome them. The conditions and environment of the working life of interns in the agricultural regions of the Azov-Black Sea region of the RSFSR are shown. The work is based on the anthropological approach, which involves a detailed consideration of the facts of life, work and everyday consciousness of people, allowing us to study the features of everyday life of villagers from different sides. *Results.* The findings allow us to expand our understanding of the specifics of the socialist restructuring of the village at its final stage, to determine the role of students of communist universities in this process, and to clarify ideas about the key problems of collective farms in the early period of their existence. The presented results can serve for further development of the problem of involving students of communist universities in the work of collective farm construction.

Key words: history of everyday life, collectivization, collective farms, communist university, students.

Citation. Tikhomirov N.V. Work of Students of the Party University in Collective Farms of the Azov – Black Sea Region of Russia (Based on the Materials of Industrial Practice in 1934). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 117-131. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.11>

УДК 94(470.61+620):613.115.6

ББК 63.3(2)614-210.6

Дата поступления статьи: 21.12.2023

Дата принятия статьи: 05.03.2024

РАБОТА СТУДЕНТОВ ПАРТИЙНОГО ВУЗА В КОЛХОЗАХ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ 1934 г.)

Никита Вадимович Тихомиров

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию летней производственной практики учащихся Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова (ВКСХУ) в

1934 году. Актуальность работы определяется высокой востребованностью темы коллективизации в научном сообществе и растущим интересом историков к вопросам советской повседневности 1930-х годов. *Методы и материалы.* Анализируемые материалы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и до настоящего времени не получили серьезной проработки в исторических изысканиях. Таким образом, новизна работы связана, прежде всего, с введением в научный оборот малоизученного комплекса исторических источников, раскрытием их информационного потенциала для исследования колхозного строительства в СССР, быденной жизни колхозного крестьянства и студентов-активистов. Материалы представлены отчетной документацией студентов и преподавателей ВКСХУ. *Анализ.* В исследовании раскрыты особенности участия студентов в организации артельного производства в деревне, выявлены основные трудности в работе колхозов и способы их преодоления. Показаны условия и обстановка рабочего быта практикантов в сельскохозяйственных районах Азово-Черноморского края РСФСР. В основу работы положен антропологический подход, предполагающий подробное рассмотрение фактов быта, труда и быденного сознания людей, позволяющих изучить с разных сторон особенности повседневной жизни селян. *Результаты.* Полученные выводы позволяют расширить понимание специфики социалистической перестройки деревни на ее завершающем этапе, определить роль студентов коммунистических вузов в этом процессе, уточнить представления о ключевых проблемах колхозов в ранний период их существования. Представленные результаты могут служить дальнейшей разработке проблемы вовлечения учащихся комвузов в дело колхозного строительства.

Ключевые слова: история повседневности, коллективизация, колхозы, коммунистический университет, студенчество.

Цитирование. Тихомиров Н. В. Работа студентов партийного вуза в колхозах Азово-Черноморского региона России (по материалам производственной практики 1934 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 117–131. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.11>

Введение. Высшие коммунистические учебные заведения сыграли важную роль в подготовке руководящих кадров для социалистического хозяйства СССР в первые после-революционные десятилетия. В 1920-е гг. они решали задачу насыщения вновь созданных советских учреждений и организаций социалистически ориентированными специалистами, обладавшими прочной базой теоретических знаний [2, с. 142; 3, с. 100]. Переход к ускоренному построению социализма, произошедший на рубеже 1920–1930-х гг., заметно отразился на системе коммунистических вузов.

Кампания сплошной коллективизации поставила на повестку дня новую проблему: вновь созданные артели нередко оказывались нежизнеспособными, их члены не умели надлежащим образом наладить совместную работу и дать ожидаемые советским руководством плановые показатели. Это потребовало смены тактики. Середина 1930-х гг. рассматривается в историографии как завершающий этап колхозного строительства в СССР [7, с. 64]. В это время перед государством остро стояла задача подготовки специалистов, способных занять руководящие должности в колхозах, став «организаторами социалистического земледелия» [1, с. 144].

Постановлением ЦК ВКП(б) от 21 сентября 1932 г. коммунистические университеты, за исключением КУТВ¹ и КУНМЗ², подлежало реорганизовать в высшие коммунистические сельскохозяйственные школы [12, с. 418]. Преобразования затронули и коммунистический университет им. Я.М. Свердлова в Москве, ставший с этого времени Всесоюзным коммунистическим сельскохозяйственным университетом им. Я.М. Свердлова (далее – ВКСХУ).

Целью ВКСХУ, как и других подобных заведений, была подготовка будущих организаторов и руководителей производства в крупном хозяйстве социалистического типа. Для закрепления знаний и развития навыков, приобретенных в процессе обучения, студенты ежегодно направлялись в сельскую местность для прохождения практики при совхозах, колхозах и МТС. Такой вид работы составлял неотъемлемую часть образовательного процесса [10].

Тема коллективизации вызывает высокий интерес у современных историков, о чем свидетельствует растущее число научных трудов, раскрывающих различные стороны данного процесса [4; 5]. Вместе с тем вопрос об участии в нем студентов партийных вузов ос-

тается не достаточно изученным. Цель настоящей работы – показать роль студентов одного из ведущих коммунистических университетов СССР в социалистическом преобразовании деревни на завершающем этапе коллективизации на примере отдельно взятого региона страны.

Решаемые в этой связи задачи: на конкретных примерах рассмотреть участие студентов-коммунистов в социалистическом преобразовании деревни на завершающем этапе коллективизации; исследовать отдельные стороны жизненного мира колхозных крестьян; выявить проблемы, характерные для быта и труда колхозников выбранного региона, и проанализировать роль практикантов в их разрешении.

Данная тема мало изучена и слабо отражена в современной историографии [6, с. 13]. Таким образом, исследование расширяет научные представления о колхозном строительстве и вкладе в его проведение студентов партийных вузов.

Методы и материалы. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) отложился комплекс материалов, связанных с производственной практикой учащихся ВКСХУ и представленных преимущественно отчетными документами за 1934–1937 гг. (11 дел в составе 3 описей). Материалы каждого года обладают внутренней спецификой, обусловленной характером и содержанием практики, а также местом ее прохождения студентами. Документы отражают работу воспитанников университета в нескольких регионах РСФСР: Воронежской (1936), Калининской (1935), Курской (1936), Московской (1935), Саратовской (1937) и Ярославской (1936) областях и Азово-Черноморском крае (1934). Все материалы сгруппированы в 11 архивных дел по хронологическому принципу. Документы, связанные с практикой в Азово-Черноморском (1934) и Орджоникидзевском (1937) краях, обобщены в отдельную единицу хранения. Именно они были использованы в качестве источника для настоящего исследования. Это обусловлено необходимостью локализовать изучаемый объект во времени и пространстве для выяснения его качественного своеобразия: факты, отраженные в указанных материалах, географически и хронологически отличаются от фактов, описанных практикантами в последующие годы.

Проблема колхозного строительства в указанном регионе (на Дону и Кубани) получила отражение в ряде научных трудов, среди которых исследования В.А. Бондарева [1], А.П. Скорика [11], Р.Г. Тикиджьяна [13] и др. Ими исследуются особенности социально-экономического уклада деревни, противоречия в отношениях крестьян и советской власти. Наше исследование призвано развить и углубить выводы, представленные в данных трудах, чему служит вовлечение в научный оборот комплекса принципиально новых источников. Представленные в них сведения отражают особенности организации и протекания производственной практики студентов преобразованного университета, обучавшихся по обновленной программе в соответствии с новой установкой – сосредоточить усилия на проведении в жизнь программы колхозного строительства. Наличествующая документация касается практической работы учащихся 2-го курса 3-годичного отделения ВКСХУ. Это протоколы студенческих собраний по итогам летней практики (5), отчеты руководителей практики – преподавателей университета, сопровождавших студентов (6), и характеристики, полученные от руководства политотделов Машинно-тракторных станций (8), отзывы отдельных студентов об опыте проведенной работы (2), а также документы организационного назначения – планы и фрагменты переписки об организации студенческой практики.

Особенностями названных документов предопределены некоторые трудности в работе с ними, а именно отсутствие в ряде случаев названий колхозов и фамилий ответственных работников. Следует отметить, что такая проблема встречается и при работе с документами других дел в составе архивного фонда: хотя в них представлены преимущественно отчеты и дневники, их авторы подчас опускали названия обслуживаемых предприятий, указывая лишь район; соответствующие уточнения производились, вероятно, уже в ходе проработки материалов на уровне профильной университетской комиссии.

При анализе отчетных материалов нужно учитывать возможную субъективность их авторов при оценке своей работы и работы своих подопечных. Уточнению свидетельств этих документов помогает сопоставление со-

державшихся в них положений с отзывами партийных работников МТС. Такой диалектический подход к работе с источниками позволил всесторонне рассмотреть и оценить труд практикантов в колхозах.

Исследование проводилось в историко-антропологическом ключе, что предполагает подробное рассмотрение различных сторон жизни человека в конкретных исторических условиях. С этим связано соответствующее требование к использованию в работе описательно-повествовательного метода, служащего в данном случае для создания так называемого «плотного описания» (по выражению К. Гирца) действительности, что помогает воспроизвести отдельные структуры повседневности студентов коммунистического университета в период пребывания на практике. Сравнительный анализ источников позволил сделать обобщающие выводы о качественном своеобразии быта и труда практикантов, их взаимоотношениях с колхозниками и сотрудниками МТС в Азово-Черноморском регионе России в начале второй советской пятилетки.

Обсуждаемые материалы содержат информацию о подготовке и организации летней практики, порядке ее прохождения студентами, возникавших проблемах и подходах к их разрешению. Преподаватели и практиканты описали трудности, с которыми столкнулись в колхозах и МТС, показали насущные проблемы сельских работников и рассказали о достигнутых успехах в деле колхозного строительства.

Это позволяет сделать выводы о том, с какими конкретными трудностями была сопряжена работа по социалистической модернизации деревни и какие противоречия встречали активисты в попытках осуществить партийно-правительственные установки в сельской местности в рассматриваемый период. Благодаря этому открывается возможность для лучшего понимания процесса коллективизации на микроуровне, в условиях конкретной местности, что в свою очередь ведет к более полному и всестороннему пониманию данного процесса в целом, в масштабах страны.

Добавим, что анализируемые документы отразили сравнительно малую часть ме-

роприятий, в которые были вовлечены студенты ВКСХУ за весь период их обучения. Познавательные возможности отчетов существенно ограничены по временным и пространственным параметрам: согласно наличным данным, студенты распределялись каждый год в новые районы с нередко разительно отличающимися условиями. По сути, молодых людей направляли туда, где возникала необходимость оздоровить или попросту спасти артельную организацию. Такой подход со стороны университетского руководства был, вероятно, подсказан общими задачами народного хозяйства, требовавшими *ad hoc* мобилизации усилий на трудных участках: география студенческой практики в последующие годы охватывает значительную часть европейской России – от Южного Урала до нечерноземного Севера. Таким образом, проследить эволюцию отдельно взятых МТС и колхозов за несколько лет отчетные материалы не позволяют. Но, несмотря на это, представленные документы имеют серьезный информационный потенциал для решения поставленных задач исследования.

Анализ. Студенты были организованы в семь кружков³ числом от 12 до 21 человека, всего 113 практикантов. Все они были командированы в заранее намеченные вузом районы, где поступили в распоряжение руководства конкретной МТС (каждый кружок делился на две группы – по одной на станцию) и были распределены им по местам непосредственной работы – в колхозы. В некоторых случаях выделялось по человеку на колхоз [9, л. 31], иногда – по несколько с прикреплением к разным бригадам [9, л. 39 об]. Группу сопровождал руководитель из числа преподавателей университета, которому надлежало посещать практикантов по месту работы, оказывая необходимую помощь.

Отправке в колхозы могли предшествовать общие организационные мероприятия. Например, с группами некоторых кружков после их приезда на МТС были проведены совещания с участием старшего агронома и директора станции. Они знакомили практикантов с производственным планом и планом уборочных работ, располагаемыми средствами производства. Затем начальник политотдела рассказывал молодым людям о работе

своего подразделения и его насущных задачах, описывал состояние партийно-массовой работы в МТС и давал характеристику руководящих работников тех колхозов (председатель, парторг, бригадир, член правления), куда предстояло отправиться студентам [9, л. 31].

Большинство из них были назначены в низовые звенья колхозных организаций – помощниками бригадиров и парторгов полевых бригад, некоторые получили должности заместителей бригадиров тракторных и колхозных бригад, помощников председателей правления и помощников парторгов артелей. Основание для этого давала не только теоретическая подготовка, полученная в университете, но и партийный стаж, который в обязательном порядке имелся у всех принимаемых на обучение в ВКСХУ [11]. Среди студентов преобладала возрастная группа 20–30 лет. Указанная расстановка, по замыслу, позволяла практикантам участвовать как в процессах управления и организации труда, так и во всех видах сельскохозяйственных работ весеннего сева, наиболее разнообразных в части конкретных операций и применения машинной техники [9, л. 53 об.].

План производственной практики для каждого кружка разрабатывал его руководитель и согласовывал с агрономами и начальниками политотделов МТС. Документ содержал большое число задач для разных отраслей сельскохозяйственного производства. Так, перечень работ, составленный для студентов 2-го кружка, включал в себя 47 пунктов. Он охватывал такие направления, как: сбор данных о ходе уборочных работ, составление коллекций семян и растений, знакомство с разными сельскохозяйственными машинами и работа на них, изучение организации труда в колхозных и тракторных бригадах, ознакомление с постановкой животноводческого дела и др. [9, л. 23–24].

В документах отражены названия МТС, которым были приданы практиканты, районы их расположения; число и названия большинства колхозов; количество студентов, посланных в конкретное хозяйство. В ряде случаев отдельные категории данных отсутствуют (например, в отчете о деятельности 3-го кружка не указаны названия колхозов и то, как были распределены по ним практиканты). Однако

в целом имеющиеся сведения достаточно представительны для понимания количественных и территориальных параметров охвата практикой ВКСХУ Азово-Черноморского региона. В таблице 1 отображены данные о распределении практикантов по местам работы. В таблице 2 приведены общие количественные показатели.

Отметим, что документы не содержат (за очень редкими исключениями) личной информации о работниках колхозов и МТС – их именах, фамилиях, биографиях. Сведения такого рода были избыточны для учета и анализа результатов работы студентов.

После установочной беседы практиканты попадали непосредственно в производственные коллективы. Условия их размещения были скромны и подчас даже суровы. Во время работы практиканты проживали вместе с колхозными бригадами, находившимися, как правило, в «таборах» – вновь застроенных участках посреди поля. Размещались в общих домах и кормились у одного котла. Здесь положение свердловцев⁴ бывало даже худшим, поскольку колхозники, кроме общей пищи, зачастую получали еду из дома. Добиться от районного руководства улучшения в питании студентов удавалось не везде – сказывались отсутствие продуктов и простая нерасторопность ответственных лиц. Покупать что-либо на колхозном рынке практиканты тоже могли не всегда, поскольку университет несвоевременно высылал им деньги [9, л. 53]. Имели место проблемы санитарно-эпидемического порядка. Многие практиканты и некоторые преподаватели заразились распространившейся в регионе малярией, причем некоторые страдали от нее до самого конца работы и много позже [9, л. 12, 53 об.]. Это коснулось кружков, направленных в районы, расположенные в речных бассейнах Дона и Кубани. Особенности рельефа местности служили причиной того, что после весенних паводков местность отчасти заболачивалась и возникали условия для размножения комаров – переносчиков заболевания. То обстоятельство, что практиканты во множестве страдали от малярии, свидетельствует как о плохой организации системы профилактики заболеваний и оказания медицинской помощи на местах, так и о слабой осведомленности универ-

ситетского руководства по части санитарной обстановки в регионе.

В ходе работы практиканты изучали положение дел в бригадах, МТС и колхозах, определяя, прежде всего, степень готовности коллектива к началу весеннего сева. На этом этапе выявлялись основные проблемы, связанные с организацией труда и общей постановкой дела на конкретном участке. Студен-

ты не стеснялись подвергать порой «довольно жесткой критике» директоров и начальников политотделов МТС, к которым были прикреплены [9, л. 31 об.]. Так, студентка Емельянова сообщала, что, обнаружив «зажим самокритики» в колхозе «Трудовая колонна» (Атамановская МТС), принялась критиковать и председателя колхоза, и бригадира [9, л. 34 об.]. При этом напористость практикан-

Таблица 1. Распределение практикантов по районам, МТС и колхозам

Table 1. Distribution of interns by districts, MTS and collective farms

Кружок	Район	МТС	Колхоз	Чел.
1	Кущевский	Кисляковская	Им. XVII партсъезда, «Красная поляна»	8
		Розентальская	«Борец», «Красноармеец», Кугейский	7
2	Лабинский	Лабинская	Им. Буденного, «Волна революции», «Вперед к социализму», «Память Ленина»	8
	Лабинский	Переправная	«Путь Ленина», «Путь к социализму», «Свободный мир», «Центральная Лаба»	7
3	Белоглинский	Белоглиновская	14 колхозов, названия не указаны	14
	Песчанокопский	Песчанокопская		
4	Не удалось установить	Атамановская	«12 годовщина Октября», «Вторая пятилетка», им. Димитрова, «Трудовая колонна», «Ударник», им. Шеболдаева	8
	Не удалось установить	Качальницкая	«Гигант социализма», «Красная гвардия», «Новый мир», «Победа красных партизан»	8
5	Калниболотский	Калниболотская	Несколько колхозов, нет данных	6
	Новопокровский	Еянская	«Всемирная революция», «Завет Ильича», «Красное знамя», им. Политотдела	9
6	Константиновский	Усть-Быстрянская	Им. Дзержинского, «Донец»	4
			2 колхоза, названия не указаны	6
		Николаевская-на-Дону	Им. Кагановича, «Красный Дон», «Мировой Октябрь»	5
7	Цимлянский	Цимлянская	Им. Андреева, им. Карла Маркса, им. Короткова, «Красный Октябрь», «Новь»	7
			При политотделе	1
		Романовская	Им. Буденного, «Второй пятилетки», им. Димитрова, «Путь Ленина», «Цимлянская дружина», им. Черникова	9

Таблица 2. Количественные показатели практики 1934 года

Table 2. Quantitative indicators of the practice of 1934

Студентов проходило практику	Охвачено районов	Охвачено МТС	Охвачено колхозов	
			минимум	максимум
113	9–10	14	61	67 *

Примечание. * Для Калниболотской МТС отсутствуют указания, как были распределены 6 практикантов. Согласно сведениям, приведенным в таблице 1, в колхозы могли распределять от 1 до 3 человек. Таким образом, возможен вариант, когда шестеро студентов, работавших в районе Калниболотской МТС, были распределены по 1 человеку в колхоз, в связи с чем указано возможное максимальное значение охваченных артелей.

Note. * For Kalnibolotskaya MTS, there is no indication of how the 6 interns were distributed. According to the information provided in Table 1, from 1 to 3 people could be assigned to collective farms. Thus, it is possible that six students who worked in the Kalnibolotskaya MTS area were assigned to a collective farm, one person at a time, which is why the possible maximum number of teams covered is indicated.

тов давала порой результаты, обратные тем, каких они ожидали. Не приходится сомневаться, что студенты, будучи носителями систематических знаний об организации ряда сельскохозяйственных работ⁵, рассчитывали на понимание со стороны сельских руководителей. Однако нередко встречали отрешенное и даже неприязненное расположение к себе. К примеру, директор одной из МТС⁶ вообще не понимал, зачем приехали студенты, потому для занятий на тракторе, предусмотренных программой практики, им приходилось просить у него особого разрешения. К указаниям о недостатках в работе директор относился раздражительно: «Ты не вмешивайся в производственную практику, выпускай газету». Представители Усть-Быстринской МТС в Константиновском районе даже не встретили прибывших студентов и полагали, что те там не нужны [9, л. 63]. Директор и агроном другой МТС⁷ относились к практикантам плохо и даже враждебно [9, л. 46 об.]. В одном из колхозов⁸ председатель в ответ на замечания практикантов «о недостатках в работе» «начал восстанавливать колхозников» против них [9, л. 46–46 об.]. По замечанию студента Максимова, председатели колхозов (Константиновский район) относились к нему и его товарищам «зверски» [9, л. 63]. Документы не раскрывают причин такого отношения. Можно предположить, что сами практиканты не только стремились искоренить изъяны, выявленные в работе колхозов, но могли также с избыточной резкостью критиковать местных руководителей за допущенные нарушения. Похожие ситуации описаны, например, в отчетах о практике студентов Ленинградской высшей сельскохозяйственной школы им. С.М. Кирова за 1936 год. Руководитель одной из групп так описывал поведение подопечных на итоговом совещании в МТС: «навели крепкую критику методам работы руководства МТС <...> Правда, критика была несколько резкая по форме, но зато правильная по существу» [9, л. 29 об.]. Результатом явилось то, что директор станции переписал уже готовые характеристики наиболее дерзких студентов, указав намеренно, что те якобы работали плохо и не выполнили поставленных задач [9, л. 30]. В материалах фонда Свердловского университета подобных подробностей не со-

держится, но можно предположить, что и в упомянутом случае мог иметь место своего рода конфликт характеров.

Выявив нарушения в производственных процессах, студенты пытались исправить их, давая советы и указания, внедряя рациональные подходы к производству тех или иных операций. Некоторые из них обнаруживали в этой связи недоверие и сопротивление со стороны ответственных лиц. Так, в Новопокровском районе практиканты не могли убедить ни колхозное, ни районное руководство, что в артелях неправильно проводятся агротехнические мероприятия. Например, предметом разногласий стало нарушение колхозниками требований по глубине перепашки чистых паров, что в споре со студентом Горбачевым признал даже старший агроном. Несмотря на это, секретарь райкома настаивал, что в условиях данной местности меры, применяемые колхозами, следует считать правильными, а студентке в личной беседе заявил, что ВКСХУ готовит невежд [9, л. 47].

Некоторые работники вовсе проявляли отчужденность во всякой работе. Со слов практиканта Дзутцева, председатель колхоза, где он работал (Константиновский район), «ходил с водкой», пустив подготовку сева и жизнь артели на самотек. Местного бригадира, донского казака, студент называл саботажником: «ничего не делал, а мы ему помогай» [9, л. 62]. Упоминания в ряде случаев о казацком происхождении колхозников не несет, как представляется, смысловой нагрузки, а вызвано общим впечатлением некоторых студентов от столкновения с непривычной им действительностью. Такое положение дел говорит не только о распушенности отдельных работников, но также о дезорганизации всего колхозного хозяйства. Люди не умели организовать работу по принципам и правилам научной агротехники, как того требовали насаждавшиеся формы социалистической экономики. Зримым проявлением этого становилось безразличие к собственному труду, колхозному имуществу, коллективному благополучию, с которым селяне не сопрягали представления о своем собственном благополучии.

Приведенные сообщения позволяют заключить, что многим студентам приходилось

трудиться в условиях высокой эмоциональной нагрузки, нравственного давления со стороны ряда ответственных лиц. Это требовало повседневного напряжения духовных сил и значительной волевой работы.

В других районах практиканты сумели наладить добрые отношения с местными руководящими кадрами и, критикуя недостатки в их работе, не встречали враждебности. Напротив, колхозное руководство благоволило практикантам, поскольку те деятельно помогали артельщикам в их работе, оказывая ощутимую помощь как носители полезных знаний, умений и навыков. Так, практикантка Емельянова «рассказываниями» повышала агрономическую грамотность колхозников [9, л. 34 об.]. Студент Баглюк, обнаружив слабую подготовку трактористов, был вынужден «работать и трактористом» [9, л. 35]. Вероятно, в ходе такой работы он сумел повысить квалификацию местных кадров, передав им собственный опыт. Студент Загидулин, оценивая общие итоги практики, отмечал: «Мы учились сами, но учились и у нас» [9, л. 62]. А студент Городилов прямо заявил на отчетном собрании, что ему приходилось «не учиться, а учить» [9, л. 35 об.].

Такие свидетельства красноречиво характеризуют не столько высокий уровень подготовки свердловцев (который, безусловно, наличествовал), сколько низкий уровень профильных знаний сельских работников, их слабое понимание возможностей и значимости научно-технического прогресса в хозяйственной деятельности. Артельное хозяйство студенты обнаруживали подчас в удручающем состоянии. В разных колхозах практиканты зачастую отмечали схожую картину упадка: значительная часть полей была занята сорняками, с которыми не вели должной борьбы; скирды соломы, оставленные на прошлогодних токах, обрастали сорняками; межи и дороги не опахивались [9, л. 47]. Брошенные становища единоличников не уничтожались, покрываясь кустарником и сорняками; там же находились старые колодцы, в которые ненароком заезжали трактора [9, л. 49 об.].

Провалы в работе колхозов могли возникать по причине плохой организации труда, а также ввиду отсутствия простейшего контроля над выполнением работ. Нередко в арте-

лях остро стояла проблема оплаты за трудодни, от чего напрямую зависело материальное благополучие колхозников. Как отмечал в своем отчете руководитель 3-го кружка Пронин, «студент <...> воочию убедился, что такое обезличка» [9, л. 31]. Вследствие небрежного учета трудодней крестьяне теряли интерес к работе и веру в перспективы колхозного строительства. Студенты подмечали и выправляли такие недочеты. Так, практикант Васильев наладил в своей бригаде колхоза им. Красной гвардии (при Атамановской МТС) вывешивание ежедневных сводок для наглядного представления результатов труда каждого работника [9, л. 39 об.]. Студент Шиошвили, работавший в колхозе им. Карла Маркса (Цимлянская МТС), также завел в бригаде учет выполненных работ и учредил прогрессивную сдельщину, чем сумел повысить производительность труда в 3–4 раза [9, л. 72].

Нередко райкомы направляли студентов в наиболее запущенные и неразвитые артели, возлагая на практикантов задачу их оздоровления и укрепления в качестве хозяйственных единиц. В тех случаях, когда студенты оказывались в неблагополучных колхозах, их работа обретала вид напряженной борьбы за сохранение и восстановление артельного хозяйства. Студент Суслин, попавший в колхоз «Красная гвардия» – по его словам, самый плохой колхоз района – характеризовал обстановку там следующим образом: «Колхозники игнорировали предколхоза, некоторые активисты разбазаривали колхоз»⁹, на работу не выходили до 70 % артельщиков, бригадир насаждал антиколхозные настроения, а в ответственный момент сева вовсе сбежал [9, л. 36]. Формально существовавшая артель была фактически нефункциональна, пребывая в состоянии глубокого вырождения. В колхозе «Вторая пятилетка» (Атамановская МТС) студент Лысаченко выявил ошибки в расстановке сил и машин, допущенные при планировании посевных мероприятий. Организация труда была развалена: звеньевое деление существовало лишь на бумаге, была высока текучесть работников. Попытки укрепить дисциплину не нашли поддержки у бригадира, который, со слов практиканта, «пил водку и имел половую распущенность» [9, л. 33 об.].

Примечательно, что понимание колхозной дисциплины в отдельных вопросах у студентов разнилось: например, некоторые полагали, что все, включая домохозяек, должны выходить на работу с восходом солнца, другие отвергали такой подход [9, л. 34 об.]. Так или иначе, традиционные формы организации труда продолжали влиять на протекание полевых работ, и практиканты не всегда могли побороть привычки крестьян. Так, студент Лысаченко (колхоз «Вторая пятилетка») сетовал: «Когда я стал напирать на дисциплину и организацию труда <...> Никто не пошел мне навстречу» [9, л. 33 об.].

Установки, привитые комвузовским образованием, определяли широту понимания студентами их насущных задач в сельской местности. Воспитанные в духе социалистических идеалов, они рассматривали свой труд как подчиненный большой цели – построению нового общества. Поэтому вопросы сугубо хозяйственного порядка в сознании свердловцев не отделялись от вопросов культурного переустройства жизни населения. Студенты обращали пристальное внимание на бытовые условия колхозников, предпринимали меры к их улучшению. К примеру, студент Майоров сумел не только добиться от правления колхоза ¹⁰ решения о постройке бани, но и воплотить замысел в жизнь: за месяц было возведено добротное кирпичное сооружение, после чего соседние колхозы пожелали занять у себя такие же заведения. До этого во всем районе была лишь одна общественная баня [9, л. 32].

Студент Чекменидзе (колхоз «Ударник», Атамановская МТС) «бывал часто в доме колхозников, говорил с ними, создавал условия для их работы. Организовывал питание, еду – все, чтобы выполнить план» [9, л. 35]. Студентка Заболоцкая, трудившаяся в колхозе «Донец», добилась постройки столовой и душа для колхозной бригады, чего раньше в артели не было [9, л. 57]. Как видно, студенты старались по возможности комплексно подходить к осуществлению стоявших перед ними задач. Своими действиями они порой выходили за рамки программы университетской практики, становясь проводниками культурного обновления в российской глубинке.

Проявляя настойчивость, практиканты решающим образом влияли не только на по-

становку работы, но и на руководящий состав артелей. Студент Белый добился снятия с работы председателя колхоза «Новый мир» за «сопротивление в выполнении указаний» центральных органов ¹¹ [9, л. 37]. Его коллега Суслин отчитывался, что сменил руководство артели «Красная гвардия» (Качальницкая МТС) и отдал под суд выявленных расхитителей коллективной собственности из числа колхозников (о конкретном содержании проступков не сообщается) [9, л. 36]. Таким образом, практиканты выполняли функцию передаточных звеньев между низовыми хозяйственными организациями и советскими руководителями в районах. Благодаря этому происходило выстраивание работоспособной системы управления, включение колхозов и МТС в единую административную вертикаль.

Несмотря на то что студенты работали зачастую в наиболее отсталых колхозах, с их помощью те не только смогли достичь плановых показателей по севу, но сделать это прежде некоторых более благополучных артелей [9, л. 47]. Практиканты проявляли настойчивость и последовательность. В колхозе «Мировой Октябрь», одном из худших по Константиновскому району Азово-Черноморского края, студенты Мамаев и Уренцов сумели в короткий срок оздоровить бригаду с полностью развалившейся дисциплиной – добиться выхода на работу всех членов «и даже старух», организовать социалистическое соревнование и подтянуть к уровню лучшей бригады МТС [9, л. 58]. Студент Уренцов отчитывался, что вместе с другими практикантами сумел поднять дисциплину среди работников своей бригады: «бегали за нами, как цыплята» [9, л. 64]. О студенте Липатове руководитель практики заключал, что тот показал «большие чудеса» в работе. За несколько суток его бригада, слывшая худшей в колхозе, стала образцовой: полностью были устранены прогулы, превышение норм выработки составило 3–4 раза. Студента характеризовали как прекрасно знакомого с крупным социалистическим хозяйством, что может указывать на уже имевшийся у него опыт работы в данной области [9, л. 72].

Способов, которыми студенты могли воздействовать на крестьян с целью улучшения

показателей труда, было немного. В отсутствие административных полномочий практикантам оставалось использовать убеждение и личный пример¹². Так, Уренцов (колхоз «Мировой Октябрь») писал: «Я внушал бригадирю, как руководить» [9, л. 64]. Показательна в этом отношении характеристика, данная практикантам 7-го кружка начальников политотдела Романовской МТС: «...все студенты настойчиво и упорно проводили линию партии не только голой агитацией, но и личным примером, личным участием в труде. <...> Тов. Роговой сыграл большую роль в сплочении бригады, в перевоспитании бригадира и колхозников <...> в сплочении не только колхозников, но в привлечении единоличников к работе в колхозе. <...> Тов. Липатов <...> постоянно участвовал в работе личным трудом, пользовался большим авторитетом и в короткий срок добился заметных результатов в сплочении бригады. <...> <Кондратьев> принимал личное участие во всех видах работ вплоть до ремонта инвентаря, поднимая этим своим участием не только свой авторитет, но и авторитет коммуниста, агента партии в бригаде...» [9, л. 68].

Одним из важнейших достижений практики, в чем сходились преподаватели и студенты, было то, что последние основательно приобщились к жизни сельских работников. Руководитель 3-го кружка практикантов Пронин, преподаватель кафедры механизации университета, отмечал: «Студент узнал, что такое рядовой колхозник, активист и руководитель бригадир. Твердо уяснил, как можно и нужно с ними работать. В каком руководстве и помощи они нуждаются» [9, л. 31]. В некотором смысле практика имела для свердловцев исследовательский уклон: многие знакомились с новой для себя средой, ее нравами, привычками, отношением к жизни. Выходцы из крестьянской среды легче приноравливались к обстановке, хотя порой сказывались региональные различия. Практикант Чемоданов жаловался: «Я с Сибири, юга не знаю, поэтому мне было очень трудно работать» [9, л. 37 об.].

В целом студенты сумели снискать уважение работников и сельских руководителей своим подходом и отношением к делу. Сильное впечатление на селян студенты произве-

ли тем, что проживали непосредственно в бригадах и трудились наравне с их членами. Это резко отличало их от районных уполномоченных, которых привыкли видеть колхозники. Те бывали в артелях короткими наездами, отговариваясь «невозможностью жить в бригаде» [9, л. 32]. В свердловцах же крестьяне обнаружили «товарищей, которые дают хорошие советы» и участвуют в совместной работе [9, л. 46 об.].

Сами студенты подчеркивали, что требовать условий лучших, чем у рядовых колхозников, недопустимо – «будут указывать пальцами» [9, л. 35 об.]. Даже там, где был обустроен скверно и существовали проблемы с питанием, практиканты считали правильным «не выделяться в особую группу» [9, л. 46 об.]. Они принимали непосредственное участие в работах по косовице, обмолоту, копнению и скирдованию. Студент Мамаев сообщал: «Мы вмешивались во все дела – садились на трактор, если пахали мелко, спрашивали почему. Менялись мнением с местным агрономом» [9, л. 62 об.]. Причем, подчас агрономы оказывались подготовлены слабее практикантов.

Колхозники были впечатлены таким отношением: «У нас еще до сего времени не было таких уполномоченных, которые бы вместе с нами работали в поле» [9, л. 39 об.]. Высокую оценку работе студентов дали в письменных отзывах и руководители политотделов МТС [9, л. 42]. В представленных характеристиках они подтверждали, что «среди парторганизации и колхозников товарищи пользовались авторитетом» [9, л. 52], смогли вывести некоторые МТС «из особо тяжелого положения» [9, л. 57].

Уважение и авторитет, которые студенты приобретали среди работников и руководителей, вели к тому, что в большинстве случаев они фактически возглавляли работу своих бригад [9, л. 39 об.]. В сравнении с местными кадрами студенты выгодно отличались наличием твердых идейных установок и систематических знаний. Надо отметить, что иногда это были знания о таких довольно простых вещах, как, например, организация работы звеньями. Но в условиях сельской действительности середины 1930-х гг. и такие представления приходилось насаждать с из-

вестными трудностями. В этом просматривается тот великий разрыв, который существовал между городом как носителем рационального начала и преимущественно традиционной деревней в первые десятилетия советской власти.

Организация самой практики также не была свободна от изъянов. Студенты отмечали различные недостатки в действиях университетского руководства. Указывали на скверные условия доставки к месту работы, обусловленные тем, что вуз не принял своевременно мер или не считал нужным приобрести для студентов места в плацкартных вагонах. Один из ребят возмущался «бюрократическим, формальным» отношением учебной части к их отправке на практику: «погрузили в вагон, как поросят» [9, л. 47]. Учитывая, что длительность пути в районы Азово-Черноморского края составляла не менее двух суток, негодование выглядит вполне обоснованным.

Также студенты и преподаватели единодушно указывали на ошибочность подхода к распределению студентов. При назначении мест прохождения практики студентом одного кружка не учитывалась их географическая разбросанность. Следствием этого становилось нарушение связи между студентами и руководителем практики. Так, преподаватель Бадерьян, отвечавший за деятельность 1-го кружка практикантов, указывал, что тесного педагогического общения с ними у него «не было и не могло быть» в силу того, что две МТС, куда распределили студентов, отстояли одна от другой на 90 км [9, л. 9 об.]. Транспорта для перемещения на такое расстояние в распоряжении сотрудника вуза не было. Руководитель практикой 3-го кружка Пронин также замечал, что практиканты находились в условиях, когда все возникавшие «вопросы и сомнения» они должны были решать самостоятельно [9, л. 31 об.].

Студенты 4-го кружка были распределены по колхозам, которые обслуживали МТС, расположенные на удалении 50 км одна от другой [9, л. 39]. А группа 7-го кружка, работавшая в Цимлянском районе на левом берегу Дона, вовсе оказалась «отрезана от внешнего мира» после весеннего половодья. Переправ через реку не было, и связь группы с руководителем практики, находившимся в кол-

хозе на правом берегу, была утеряна на месяц [9, л. 73].

Студенты с огорчением подчеркивали, что их работа в значительной степени протекала помимо преподавателя, без его советов и наставлений [9, л. 12]. Практикант Золотарев признался, что первое время работал «ощупью». Прибыв на место, он поначалу даже не считал нужным вмешиваться в дела колхозной бригады [9, л. 37 об.]. Студент Чемоданов (колхоз им. Шеболдаева, Атамановская МТС) поначалу также не понимал, как подойти к работе, и вел себя пассивно. Лишь получив указания на производственном совещании при МТС (видимо, после приезда преподавателя), он сумел-таки произвести положительные подвижки – наладил звеньевую организацию, добился выхода людей на работу [9, л. 39 об.].

Лишенные систематической поддержки преподавателя, студенты порой пребывали в растерянности, не понимая, как подступиться к порученному им делу. Они указывали на такое упущение, как отсутствие у них индивидуальных планов работы, которые следовало бы загодя составить с учетом особенностей конкретных колхозов [9, л. 11 об.]. Положение усугублялось нехваткой теоретических знаний: учебная программа ВКСХУ и производственная практика не были до конца согласованы. Уже по итогам всех мероприятий преподаватели заключали о необходимости предварительного прочтения студентам курса лекций по основным вопросам организации хозяйства в период уборочной кампании. Без этого, как показал опыт лета 1934 г., студенты были вынуждены на месте самостоятельно набираться нужных знаний и, не имея возможности включиться в руководство процессами, занимались поначалу лишь «отдельными физическими работами» [9, л. 9 об.].

Одним из важнейших элементов практики должно было стать освоение студентами сельскохозяйственных машин. Однако с этим зачастую возникали затруднения, порой неразрешимые. Так, студенты 4-го кружка жаловались, что не имели возможности толком освоить сельскохозяйственную технику по причине ее отсутствия в колхозах. На итоговом собрании студент Фафорихин указал, что по его месту практики (колхоз «Победа крас-

ных партизан», Качальницкая МТС) были только лобогрейки и молотилки [9, л. 33]. Ганцева, работавшая в соседнем колхозе «Гигант социализма», «не освоила и не видела» машин [9, л. 34]. Гусева (колхоз им. Димитрова, Атамановская МТС) отмечала: «Механизмов у нас не было, и с ними не освоилась» [9, л. 34].

В годы первых пятилеток отношение колхозников к механизации труда зачастую оставалось неоднозначным, от безразличия до враждебности [8, с. 173]. Практиканты 5-го кружка, трудившиеся в Калниболотском и Новопокровском районах, стали заложниками такого отношения к машинам сельских работников: техника у колхозов была, но в силу «антикомбайновых настроений», они ее не использовали [9, л. 53 об.]. Студент из 6-го кружка иронично заметил, что на практике получил знания о том, «как нельзя работать на машинах»: трактора по несколько недель стояли в ремонте, а директор Николаевской-на-Дону МТС не показывался в бригадах [9, л. 61 об.]. Отсутствие возможности на практике закрепить ранее полученные знания вызывало общую разочарованность у студентов. Некоторые отмечали, что были, по сути, не практикантами, а помощниками политотделов [9, л. 63], занимаясь агитационной и просветительской работой. Указанные обстоятельства, безусловно, подрывали общие усилия советского руководства по выстраиванию эффективной системы хозяйствования на селе. И как видно по студенческим сообщениям, проблема не ограничивалась недостаточностью производственных мощностей машиностроительных предприятий. Причины провалов социализации деревни коренились в образе мышления сельских обывателей, их отношении к труду, невосприимчивости к представлению о личной ответственности в производственном коллективе.

Блезненной проблемой для практикантов и опосредованно для ВКСХУ становилось поведение некоторых студентов, превратно понявших свою роль в отношениях с колхозниками. Недостаток жизненного опыта и знания людей подвигали отдельных свердловцев к использованию в работе сомнительных методов, порой откровенно вредивших делу колхозного строительства. Так, о студенте Акименко его товарищ Соболев сообщал, что тот скомпрометировал себя, «захватывая чужие

функции» [9, л. 35 об.]. О студенте Максимове рассказывали, что тот бездельничал и вдобавок появлялся на людях в одних трусах, что, вероятно, селянами воспринималось неодобрительно [9, л. 64 об.].

Некоторые практиканты допускали чрезмерную резкость в обращении с колхозниками, бездумно пользуясь распорядительно-приказным подходом в решении назревших противоречий. Руководителю бригады, где существовала проблема невыхода женщин на работу (Константиновский район), студент Попов посоветовал бить их плеткой, как в былые, дореволюционные, времена. Среди работниц это вызвало переполох, и некоторые заявили, что после такого на работу вовсе не выйдут [9, л. 65].

Но в основном студенты старались влиять на колхозников убеждением и личным примером, показывая достойные образцы работы и подходы к ее организации. Это отмечалось и многими селянами. Руководитель 7-го кружка Пинковский сообщал в своем отчете: «колхозники говорили, что мы много видели уполномоченных с Москвы и краевых организаций, но таких, как свердловцы, видим первый раз, которые сами работают и сумели нас вовлечь в работу по-ударному, не администрированием, а своими примерами работ и проведением массовой работы среди нас» [9, л. 71–71 об.]. Таким образом, производственная практика студентов ВКСХУ дала положительные результаты, благотворно повлияв на большинство сельскохозяйственных организаций (артелей и МТС), охваченных их деятельностью. Это подтверждают характеристики начальников политотделов МТС, давших сугубо положительные оценки работе практикантов. Среди них встречаются такие: «т. Мишин <...> оказал громадную практическую помощь колхозу в части перестройки организации труда и по политическому воспитанию колхозников» (Переpravская МТС); «т. Райтенко в практической работе умел любой хозяйственно-бытовой вопрос поднять на принципиальную политическую высоту, мобилизовать вокруг этих вопросов массу колхозников, этим самым помогать партийной организации колхоза ускорять ход уборки хлебов» (Лобинская МТС) [9, л. 17]; «Каждый день пребывание Свердловцев в колхозе повышал

его авторитет в глазах колхозников» (Атаманоская МТС) [9, л. 42]; «Политотдел выражает большую благодарность всем студентам-практикантам <...> просит ректорат университета прислать к посевной кампании группу студентов для отбывания производственной практики в нашей МТС» (Цимлянская МТС) [9, л. 66] и т. д.

Результаты. Изучение отчетных материалов, отразивших жизнь и труд молодых партийцев в период их пребывания в колхозных и тракторных бригадах, позволяет по-новому взглянуть на проблему социалистического преобразования деревни. Рассмотрение коллективизации на микроуровне обнаруживает ряд явлений, значимых для понимания тех противоречий, которые предопределили общие темпы колхозного строительства, его достижения и провалы в разные моменты истории. Диалектичность этих процессов отчетливо проявилась в столкновении рационально-модернового и традиционного начал в советской деревне. Их воплощением были, с одной стороны, студенты коммунистического вуза, а с другой – сообщества сельских обывателей. Сообщения практикантов о характере и содержании своего повседневного труда, превратностях быта колхозных работников открывают исследователю новые познавательные возможности.

Вышеуказанные обстоятельства показывают, что проблемы артельного строительства в середине 1930-х гг. не исчерпывались материальными затруднениями, которые деревня испытывала вследствие раскулачивания, голода и прочих потрясений. Перестройка крестьянского труда на новых организационных принципах требовала привития обывателям новой этики, поведенческих навыков. Этому препятствовали низкая квалификация управленческих кадров и неготовность бывших единоличников к насаждавшимся сверху формам социально-экономических отношений.

Обеспечение нормальной повседневной работы сельхозорганизаций требовало подчас чрезвычайных организационных мер, о чем прямо и косвенно свидетельствуют практиканты. Будучи формально помощниками бригадиров, они в некоторых случаях выступали организаторами всей работы, то есть по сути руководили бригадами, принимая на себя куда

большой объем обязанностей, нежели предусматривала программа практики. Эта инициативность помогала улучшить хозяйственные показатели артелей, что отмечали местные партийные работники.

Вклад воспитанников ВКСХУ в дело коллективизации был порой существенным. Студенты на практике учились, но также учили, передавая крестьянам конкретные знания об организации труда, расстановке сил, обращении с машинами, чему способствовало наличие специальных знаний, полученных в университете. Они содействовали улучшению бытового обслуживания колхозников, что служило не только обеспечению повседневных потребностей последних, но также их культурному воспитанию.

Таким образом, на рассмотренном примере практики студентов ВКСХУ им. Я.М. Свердлова в 1934 г. можно наблюдать, как действовали механизмы коллективизации на микроуровне – в отдельно взятом регионе советской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коммунистический университет трудящихся Востока.

² Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского.

³ В документах, вероятно, имеются в виду партийные кружки, которые формировались в комвузах на базе университетской ячейки ВКП(б) и не совпадали по составу с учебными группами.

⁴ Употребляемое в тексте понятие «свердловцы» в 1920–1930-е гг. служило обиходным обозначением обучающихся коммунистического университета им. Я.М. Свердлова (сам вуз часто именовали «Свердловка» или «Свердловия», последнее также являлось названием газеты, служившей органом парткома университета). В обсуждаемых документах им пользуются сами студенты [9, л. 47], преподаватели в своих отчетах [9, л. 53, 69], начальники политотделов МТС в отзывах на работу практикантов [9, л. 42, 57, 58].

⁵ Об объеме знаний практикантов дают некоторое представление планы производственной практики. Например, план, составленный преподавателем ВКСХУ им. Я.М. Свердлова для студентов 2-го кружка, включал следующие положения: определение спелости хлебов; определение степени засоренности озимой пшеницы, овса и ячменя; организация скоски и укладки снопов; организа-

ция сгребания и подбора колосьев на жнивье; определение урожайности озимой пшеницы, овса и ячменя; определение качества пахоты; агротехническая оценка принятых в колхозах севооборотов и др. [9, л. 23–25].

⁶ Речь идет о Калниболотской либо Еянской МТС. Точного указания в документах не содержится.

⁷ То же.

⁸ То же.

⁹ Выражение «разбазаривали колхоз», использованное автором, наводит на мысль, что люди могли присваивать и продавать в личных интересах имущество колхоза, в частности, инвентарь и машины, которые не использовались в работе по причине плохой организации труда и отсутствия налаженного учета и контроля.

¹⁰ Колхоз в ведении Белоглинской либо Песчанокской МТС. Точного указания в документах не содержится.

¹¹ В тексте слова о характере указаний написаны неразборчиво. Вероятно, речь идет о решениях райкома или вышестоящих органов касаясь конкретных объемов полевых работ (норм выработки) и заготовки продукции.

¹² Следует заметить, что в 1930-е гг. многие студенты до поступления в комвуз обладали некоторыми навыками руководящей работы (в райкомах, сельсоветах, комсомоле и т. д.), что явствует из материалов личных дел студентов (анкет и автобиографий), отложившихся в обсуждаемом фонде ГАРФ. Также в указанных документах нередко упоминается об их участии в кампании коллективизации, хотя и без указания конкретных мероприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарев В. А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. 520 с.
2. Ергин Ю. В. Башкирский коммунистический университет (1931–1939) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. № 5. С. 141–151.
3. Иванцов И. Г. Система партийного образования в СССР в 1930-е годы (на примере Северного Кавказа) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 4. С. 99–105.
4. Ильиных В. А. «Великий перелом» в деревне: предпосылки и этапы // 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 277–285.
5. Кедров Н. Г. Апокриф аграрной историографии: очерки изучения коллективизации в советской и российской исторической науке. Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. 339 с.
6. Кедров Н. Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2013. 280 с.
7. Мельникова Т. А. Историография аграрной политики СССР 30-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 61–70.
8. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: ТГУ, 2003. 283 с.
9. Отчеты студентов 2-го курса 3-го учебного отделения университета о летней производственной практике 1934 года // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5221. Оп. 25. Д. 1. 75 л.
10. Панин Е. В. Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада) // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744>
11. Скорик А. П. Казачество Юга России в эпоху коллективизации: казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Saarbrücken: Lambert Academic Publ., 2011. 583 с.
12. Постановление ЦК ВКП(б) от 21.IX.32 г. «Об организации высших коммунистических сельскохозяйственных школ» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 5 т. Т. 5: 1929–1932. М.: Изд-во полит. лит., 1984. С. 418–420.
13. Тикиджьян Р. Г. Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической модернизацией (1855–1939). Ростов н/Д: ДГТУ, 2024. 334 с.

REFERENCES

1. Bondarev V.A. *Krestjanstvo i kollektivizatsija: mnogoukladnost sotsialno-ekonomicheskikh otnoshenij derevni v rajonakh Dona, Kubani i Stavropolija v kontse 20-kh – 30-kh godakh XX veka* [Peasantry and Collectivization: The Complexity of Social-Economic Relations of Villages in the Regions of Don, Kuban and Stavropol in the Late 20s – 30s of the 20th Century]. Rostov-on-Don, SKNTs VSh Publ., 2006. 520 p.

2. Ergin Yu. V. Bashkirskij kommunisticheskij universitet (1931–1939) [Bashkir Communist University (1931–1939)]. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana* [Pedagogical Journal of Bashkortostan], 2008, no. 5, pp. 141–151.
3. Ivancov I. G. Sistema partijnogo obrazovanija v SSSR v 1930-je gody (na primere Severnogo Kavkaza) [The System of Party Education in the USSR in the 1930s (On the Example of the North Caucasus)]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adygea State University], 2011, no. 4, pp. 99–105.
4. Iljinykh V. A. «Velikij perelom» v derevne: predposylki i etapy [“The Great Turning Point” in the Village: Prerequisites and Stages]. 1929: «Velikij perelom» i jego posledstviya: materialy XII Mezhdunar. nauch. konf., Jekaterinburg, 26–28 sentjabrja 2019 g. [1929: “The Great Turning Point” and Its Consequences. Proceedings of the 12th International Scientific Conference. Yekaterinburg, September 26–28, 2019]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 277–285.
5. Kedrov N. G. *Apokrif agrarnoj istoriografii: ocherki izuchenija kollektivizacii v sovetskoj i rossijskoj istoricheskoi nauke* [The Apocrypha of Agrarian Historiography: Essays on the Study of Collectivization in Soviet and Russian Historical Science]. Vologda, Poligraf-Periodica Publ., 2022. 339 p.
6. Kedrov N. G. *Lapti stalinizma. Politicheskoe soznaniye krestjanstva Russkogo Severa v 1930-je gody* [Bast Shoes of Stalinism. Political Consciousness of the Peasantry of the Russian North in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 280 p.
7. Melnikova T. A. Istoriografija agrarnoj politiki SSSR 30-kh gg. [Historiography of Agrarian Policy of the USSR of the 1930s]. *Istoricheskaja i sotsialno-obrazovatel'naja mysl* [Historical and Socio-Educational Thought], 2009, no. 2, pp. 61–70.
8. Nefedov S. A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizacii* [Agrarian and Demographic Results of Stalinist Collectivization]. Tambov, TGU Publ., 2003. 283 p.
9. Otchety studentov 2-go kursa 3-godichnogo otdeleniya universiteta o letnej proizvodstvennoj praktike 1934 goda [Reports of the 2nd Year Students of the 3-Year Department of the University on the Summer Production Practice in 1934]. *Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii* (GARF) [State Archive of the Russian Federation], f. R-5221, inv. 25, d. 1. 75 l.
10. Panin E. V. Rol proizvodstvennoj praktiki v obuchenii studentov kommunisticheskikh vuzov v 1920-je gg. (na primere Kommunisticheskogo universiteta nacionalnykh men'shinstv Zapada) [The Role of Industrial Practice in Teaching Students of Communist Universities in the 1920s (Using the Example of the Communist University of National Minorities of the West)]. *Elektronnyj zhurnal «Vestnik MGOU»* [The Electronic Journal “Bulletin of MSRU”], 2013, no. 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744>
11. Skorik A. P. *Kazachestvo Juga Rossii v epokhu kollektivizatsii: kazachestvo Juga Rossii v 30-je gody XX veka: istoricheskie kollizii i opyt preobrazovanij* [Cossacks of the South of Russia in the Era of Collectivization: Cossacks of the South of Russia in the 30s of the 20th Century: Historical Collisions and Experience of Transformations]. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2011. 583 p.
12. Postanovlenije CK VKP(b) ot 21.IX.32 g. «Ob organizacii vysshikh kommunisticheskikh selskokhozyajstvennykh shkol» [Resolution of the Central Committee of the ARCP(b) of 21.09.32 “On the Organization of Higher Communist Agricultural Schools”. *Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezolutsijakh i reshenijakh sjezdov, konferentsij i plenumov TsK: v 5 t. T. 5. 1929–1932* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. In 5 Vols. Vol. 5. 1929–1932]. Moscow, Izd-vo Polit. lit., 1984, pp. 418–420.
13. Tikhidzhjan R. G. *Donskoje kozachestvo i krestjanstvo na perelome istoricheskikh epokh: mezdu imperskoj i sovetskoj sotsialisticheskoi modernizatsiej (1855–1939)* [Don Cossacks and Peasantry at the Turning Point of Historical Epochs: Between Imperial and Soviet Socialist modernization (1855–1939)]. Rostov-on-Don, DGTU Publ., 2024. 334 p.

Information About the Author

Nikita V. Tikhomirov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Source Studies, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russian Federation, tikhomirov_n@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

Информация об авторе

Никита Вадимович Тихомиров, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, 125047 г. Москва, Российская Федерация, tikhomirov_n@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>